

Милая мила / продолжение

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Милая мила / продолжение Их жизнь продолжается, как раньше. Нет, наверное, не совсем так, потому что Бабушка теперь не такая, как прежде. Она редко шутит с Милой, и сама никогда не бывает веселой. Она теперь не стрекочет бойко, сидя у своего компьютера и гоняя маленькие черные штучки по белому, а долго-долго сидит без движения, уставясь в его большое светящееся окно и обхватив голову руками. Когда Мила робко подходит и утыкается носом в Бабушкино плечо, она рассеянно кладет ей на спину ладонь и вздыхает. Иногда Бабушка стоит за белой занавеской на кухне – тоже подолгу, только обязательно выключив перед этим свет. Мила знает: в узкую щелку она смотрит туда, на маленькое яркое окошко Друга. Может быть, он все-таки там? – думает Мила. Но застрял – такой большой в таком крошечном – и теперь не может выбраться, чтобы прийти к ним? Вот застряла же она недавно за диваном и не смогла выйти... Звала, пока Бабушка не пришла на помощь. А то так и стала бы там совсем неживая...

– Дура старая... – шепчет Бабушка, глядя на единственное светлое пятнышко во дворе. – Раскатала губу... Уж и до богадельни недалеко, а туда же...

Она возвращается к компьютеру и какое-то время, сжав губы и став такой строгой с виду, что Мила боится к ней приблизиться, упрямо и яростно щелкает, щелкает, щелкает... Но вдруг щелканье прекращается, и Бабушка с протяжным стоном роняет голову на стол. Мила в ужасе: бабушкино сердце снова хочет убежать?! А Бабушка поднимает голову, и Мила поражена: все ее лицо мокрое! Где она взяла воду?

– Поделом мне, поделом! Вся жизнь моя – никчемная! – громко говорит Бабушка; взгляд ее падает на Милу: – Вот, послушай, послушай! – она смотрит на горящее окно компьютера и протяжно произносит: «Глаза-а Сю-узан зажглись, как две-е голубые звезды-ы. Вильям прибли-изился к ней и заключил ее в

пла-аменные обя-атья. Бурная стра-ась подхвати-ила их на свое крыло-о – и они начали безу-умный танец любви-и...». Здорово, да?! – она, вроде бы, и смеется, но так, что Миле становится страшно при виде такой неправильной Бабушки; она понимает, что смех – это другое, а тут... тут боль? Или даже что-то больше, чем боль?

– Почти тридцать лет занимаюсь этой чухой! – кричит-хохочет Бабушка. – С тех пор, как иняз закончила! И, представь, мне все завидуют! «Везет же тебе – так удачно вписалась в рынок! И на работу таскаться не надо! Такую нишу захватила, счастливица!». А жизнь-то – псу под хвост! Шелудивому псу! Всё любовнички, любовнички... Один раз могла ребенка родить – не стала, сдрейфила! «Эх, ты, – врачиха сказала, – ведь у тебя девочка была...». Сейчас она уже взрослой стала бы... Уж и внуков бы, наверно, мне родила... Приходила бы, навещала старуху... Говорила бы: мама!

– Мм-аа... – силится повторить Мила.

– Вот-вот! – зло смеется Бабушка. – Дожила до девочки, нечего сказать!

Теперь Мила видит, что вода льется прямо у Бабушки из глаз... Что это? Разве так бывает? Вода на кухне, в кране... И в ванной... Откуда она в глазах?

Люди приходят к ним все реже и реже. Часто бывает только одна посторонняя Бабушка – та, что самая маленькая из всех, знакомых Миле. Они с Бабушкой сидят в комнате за низким столиком, пьют, к счастью, не кофе, а что-то светлое, в высоких прозрачных стаканах на длинных ножках.

– Слушай, а тебе после инфаркта не трудно с ней? – показывает она на Милу. – Ну, за ней ведь уход какой-то там нужен, готовка... А ты, вон, еле двигаешься, да еще переводы на тебя навалились... И вообще... Может, действительно, отдать ее пока?

– Что ты! – пугается Бабушка. – Она мне сейчас больше нужна, чем даже я ей! Без нее я бы уже, наверное, подохла тут, а она меня только и держит... И какой такой особый уход? Она у меня чистоплотная, сама за собой ухаживает... А готовка... Да мы с ней почти одно и то же едим...

Мила тем временем подозрительно оглядывает Бабушку со всех сторон: где они, эти Переводы, что на нее навалились? Так обычно делает только сама Мила – во сне. «А ну, отодвинься, – отталкивает ее иногда Бабушка. – Ишь, навалилась на меня!». Никого на Бабушке не видно, и она успокаивается, но вдруг вздрагивает, услышав:

– А что этот Дима твой, друг так называемый? Взял и бросил тебя в таком состоянии? Так и «покинул на острове»? Хорош, нечего сказать...

– Не хочу о нем говорить, – Бабушка вяло отставляет стакан. – Не состыковалось. Всё. Проехали.

– Конечно, кому охота оказаться с такой уродицей под одной крышей... – бормочет себе под нос Маленькая Бабушка, неприятно косясь на Милу, когда настоящая Бабушка уходит на кухню за сыром. – Разве только глаза...

Миле тоже дают пахучий кусок вкусного сыра, и она ревниво уходит с ним к окну, взбирается на подоконник и смотрит во двор.

Уныло машет ей многорукое синее дерево под синим же небом среди желтых стен, кто-то выходит из противоположной стены и идет через двор. Мила подскакивает: это Друг! Отчетливо видна его белая, даже на вид шершавая голова. Мила часто замечает его в последнее время – и каждый раз, проходя мимо нее, он с улыбкой кивает ей. Приостанавливается, грустно смотрит в сторону их квартирки и вздыхает, а потом быстро-быстро исчезает с Милиных глаз. Иногда он, должно быть, что-то произносит, Мила не слышит, но догадывается, что он зовет ее по имени. «Р-ру! – отвечает она всякий раз, утыкаясь носом в стекло. – Рр-уу!».

– Клянусь, Лялька, она говорит «друг»! – смеется Маленькая Бабушка. – Может, он сейчас у тебя под окном стоит и плачет. Ромео хренов...

– Перестань, – морщится Настоящая. – Не смешно.

В этот раз у Димы в руках большая корзина – точно такая же стоит у Бабушки высоко под потолком в странной норе под названием «антресоли». Она однажды свалилась оттуда и чуть не зашибла Милу – та едва успела отпрыгнуть, а Бабушка подняла

упавшую штуку и отругала: «Надо же, какая мерзкая Корзина – едва не угробила мне Милу!». Мила не понимает, для чего Корзина нужна Другу – такая большая и некрасивая... Она и Бабушке-то ни на что не нужна, просто живет зачем-то на антресолях, и Бабушка ее не гонит, потому что добрая...

Маленькая Бабушка прощается, когда друг со своей Корзиной уже прошел через двор обратно и опять на ходу улыбнулся Миле. В Корзине у него что-то лежало, прикрытое синими листочками... Непонятно... А тем временем Милина Бабушка ложится спать. Раньше она никогда не спала, пока не появится Ночь, а сейчас... Другая, совсем другая стала ее Бабушка. Миле спать не хочется: за окном так ярко, тепло, интересно... Хотя чувствуется, что День уже собирается уходить... А что, если... Она внимательно смотрит на Бабушку: та дышит сильно и ровно, лицо ее спокойное и белое... Тогда Мила на цыпочках, очень тихо, но решительно идет на кухню. Дело вот в чем: Бабушка забыла закрыть там окно. И решетку тоже не задвинула: лила зачем-то воду из чайника на свои цветы в узком деревянном ящике, а потом позвонил в комнате телефон, она оставила все как есть, и больше в кухню не вернулась. Значит, можно вылезти во двор и успеть добежать до дерева – давно уже хотелось посмотреть на него поближе и потрогать, если позволит. А то они только машут друг другу, машут – и никакого толку. И вообще посмотреть, что там есть интересного... Вот, например, голуби... «Гуль, гуль, гуль!» – зовет их иногда бабушка и сыплет за окно крошки. Голубей сразу становится много-много, они давят друг друга во дворе на полу и булькают, как вода в раковине... А Мила неизвестно отчего начинает волноваться, и во рту становится мокро-мокро... Однажды она уже сбежала из дома – но Бабушка не спала и поймала ее. Вот когда Мила узнала, что такое «получить по попе»! Такой сердитой она бабушку не видела ни до, ни после, а уж как больно было! Но сейчас Бабушка спит, значит, ничего не узнает, а Мила успеет вернуться, до того, как она проснется...

Мила – храбрая девочка. Бабушка часто ей это говорит. Храбрые девочки не боятся. Но Миле все-таки не очень уютно. Во дворе странно пахнет: не то приятно, не то противно – ей так сразу не разобраться... Спрыгнуть вниз – не проблема, окно совсем не

высоко над полом. Надо же, какой жесткий здесь пол, совсем не такой, как в их квартире... Она опасливо идет прямо к дереву, залезает на скамейку... Подходит и осторожно прикасается к нему подушечками пальчиков, хочет погладить... Но оно холодное и твердое, неприятное на ощупь. Неживое! – понимает Мила. Надо же, а так приветливо махало руками... Слегка разочарованная, она хочет идти дальше – но тут из той желтой стены, в которой обычно исчезает Друг, выходит высокий парень с лохматой головой. Мила не раз уже видела его во дворе – это Ублюдок. Когда Друг еще ходил к ним с Бабушкой, он не раз показывал в окно на парня, быстро идущего через двор, чтобы пропасть все в той же стене: «Опять, кажется, ширнулся, ублюдок», – говорил Друг и отворачивался от окна. Мила ясно видела на его лице такое же выражение, какое было у бабушки, когда она вытаскивала неживую бабочку у Милы изо рта...

Мила на всякий случай прячется за дерево, потому что ей и близко не надо рассматривать Ублюдка, чтобы понять: он злой. И опасный. Он может сделать так, что она станет неживая – как это дерево. Или та бабочка. Или как она сама делает неживыми комаров. Он садится на скамью и достает откуда-то такую же черную коробочку, как у Бабушки, – телефон. Держит его у щеки и говорит: «Ну, где ты? Далеко еще? Он уже чистит свои грибы! Ладно, быстрее давай копытами шевели...». Мила подглядывает из-за дерева и дрожит. Ей хочется убежать, быстро залезть в свое окно и смотреть уже оттуда, из недосягаемого места, – но страшно показаться Ублюдку: вдруг он успеет схватить ее? А Ублюдок тоже дрожит: дрожит его большая нога, закинутая на другую, дрожат руки на спинке скамьи, дрожат большие синие губы... Неужели ему холодно? Кругом ведь так тепло – даже для Милы, которая обычно мерзнет! Но во дворе откуда-то появляется незнакомая женщина – не из Бабушек, молодая. Такая, как Ублюдок. Озираясь, словно ожидая, что кто-то на нее набросится, она быстро идет к скамье – и Ублюдок вскакивает ей навстречу.

– Принесла? – отрывисто спрашивает он. – Дай сюда!

Мила хорошо знает это слово («А что я тебе принесла, девочка моя! Смотри, какая вкусняшка!»), оно всегда означает что-то

очень-очень вкусное в руке у Бабушки. Неудивительно, что Ублюдок с таким нетерпением кидается к Женщине. Миле хочется увидеть, чем она его сейчас угостит, — она почти вся высовывается из-за дерева. Женщина отшатывается и вскрикивает: — Это еще что за каракатица?!

Ублюдок нетерпеливо отмахивается:

— Не обращай внимания. Она ничего не сделает. Безобидная и тупая, как пробка. Только выть умеет гнусным голосом — и все. Именно из той квартиры, куда мой лох полгода пробегал. Я уж надеялся, что та баба его к себе заберет. Как бы не так — отшила по полной... Сидит он теперь на кухне, курит и страдает... Юный Вертер, блин... Смотреть противно. Ну, показывай!

Женщина протягивает Ублюдку что-то маленькое и белое. Приглядевшись, Мила с удивлением понимает что это — гриб. Похожий на те, что приносит иногда домой бабушка в прозрачных коробках, готовит на сковородке и ест горячими. Мила один раз попробовала («Это гриб, Мила, но тебе, наверное, не понравится» — и точно, не понравился). Вкуса никакого. И запах отвратительный.

— Чуть не чокнулась, пока по лесу моталась. Думала, не найду уж — редкость, все же, большая в наших широтах, — рассказывает Женщина. — Плюнула было, домой собралась не солоно хлебавши и тут смотрю — растет себе... Как на картинке в справочнике грибника: аманита фаллоидес.

— Чего? — удивляется Ублюдок; Миле тоже непонятно.

— Бледная поганка. Как и обещала. Одним грибом целую свадьбу угрохать можно, а не то что одного старпёра, — гордо говорит его знакомая.

— На вкус — точно не горькая? — деловито спрашивает Ублюдок.

— Точно. У нее вообще нет ни вкуса, ни запаха. И, когда ее съедаешь, поначалу кажется, что у тебя только легкое несварение желудка, поэтому к врачу никто не обращается. А зря. Потому что второй — и последний — раунд начинается через несколько дней, когда спасти человека уже нельзя. Почки, печень — все разом накрывается. Белая Смерть — в чистом виде. Покруче Гёрыча! А если сам собирал и сам готовил... Какое тут убийство... Любой ошибиться может. Никто не застрахован.

Кушайте, дедушка Дима, лучший наш друг... И хватит, наконец, вонять на нашей площади...

Мила вздрагивает: Дима, Друг... Так это ему, выходит, принесли гриб, чтобы угостить? Эта Женщина так любит его, что носит вкусняшки? Мила бесшумно крадется вдоль скамейки, чтобы получше рассмотреть гриб: вдруг, действительно, вкусный, и ей перепадет от него кусочек? Хоть самый маленький!

И тут она словно натывается на стену. Она не видит ничего нового, но ее будто прошивает насквозь противная тягучая дрожь. Тьма – вот что это. Бесформенная, безжалостная, она невидимо зависла над этими двумя, что шепчутся на скамейке, не чувствуя ее. Точно такая же, как висела тогда над Бабушкой, когда сердце ее почти выскочило... А выходит она – из маленького белого гриба, с которым они что-то делают... Тьма растет, растет, накрывает их, вот-вот дотянется до нее, Милы... Проглотит всех – и ее, и Ублюдка с его Женщиной, и Друга, и Бабушку... Но они совсем ничего не замечают:

– Я не хотел до такого доводить, вот этой дозой клянусь! – шепчет Ублюдок, быстро показывая Женщине что-то маленькое и блестящее.

– Тогда точно верю, – легонько усмехается та, внимательно на него глядя.

– Но сколько ж можно! – горячится Ублюдок. – Поселился в чужой квартире и живет, живет... И в ус не дует! А ведь он мне – посторонний! Бабка когда-то вышла за него и сдуру прописала – свою квартиру он, видите ли, первой жене оставил из благородства... А я здесь с младенчества прописан, между прочим! Потом бабка возьми да помри в одну минуту – а он нет, чтобы убраться! Если б благородный был – так бы и сделал! Впаривает мне: куда, мол, я пойду – в подвал? А мне-то какое дело! За тридцатник перевалило, а все у родаков тусоваться должен?! Вот и мечусь меж двух квартир, как придурок. Ни тебе ширнуться нормально, ни кирнуть, ни с шоблой посидеть по-человечески... Ни с бабой поселиться... Надоело! Надоело! Надоело! – взвизгивает он тонким противным голосом, а по лицу у него бежит вода, как недавно у бабушки.

Женщина хватается Ублюдка за локти, мгновенно сует ему что-то в

рот:

– На, проглоти. Иначе руки трястись будут. И давай, отправляйся уже – чуешь, как грибами с луком из окна тянет? Значит, тушит их вовсю... Только тихо смотри, не буянь там хоть сегодня. На кухню к нему спокойно зайди – вроде, воды попить. Он тебя терпеть не может и сразу уберется... А ты очень быстро поднимаешь крышку и бросаешь в сковороду кусочки поганки. И главное – не забудь, понял? – руки сразу вымой средством для посуды! Чтоб скрипели, ясно? Не то оближешь их, сдохнешь – и никакого тебе больше ширялова. И кира тоже. Дотумкал, горе мое? Повтори!

– Что я – конченный?! Простых вещей не секу?! – истерично возмущается Ублюдок. – Лапы убери от меня, невеста!

– Да, невеста! – с нажимом говорит она. – Обещал расписаться – значит, распишешься. Долг платежом красен. Откуда ты знаешь, может, я тоже хочу в замужних дамах походить, как твоя бабка на старости лет... Шучу. Лети давай, сокол.

Они расходятся в разные стороны – Женщина бросается в какую-то щель между высокими стенами – и нет ее; Ублюдок исчезает там же, где раньше пропал и Друг. Тьма еще немножко висит над скамейкой, словно раздумывает, а потом незаметно тянется вослед...

Мила одна во дворе. И сердце ее, кажется, сейчас выскочит и убежит – как собиралось и не сделало Бабушкино... Бабушка! Вдруг она уже проснулась и увидела, что Милы нет?! Тогда уж «по попе» не избежать – проверено... Мила оборачивается на свое настешь распахнутое окно – странно! Окно теперь, кажется, сильно уменьшилось – как она пролезет в него, когда будет возвращаться? А окно Друга, наоборот, выросло – может, заглянуть туда? Оно тоже открыто, а решетки и вовсе нет... Мила вертит головой туда-сюда, не зная, на что подвигнуться... Вдруг она опять замирает и вся холодеет: снова эта Тьма! Ее, как обычно, не видно, но Мила знает: она там, за окном Друга! И стала еще плотнее и гуще, чем когда висела во дворе. Тьма пришла за Другом, отчетливо понимает Мила в какой-то момент. Пришла и заберет – вместо Бабушки, ведь ее-то забрать не удалось! Тьме помешать нельзя – она такая. Она обхватит Друга

черными лапами и вытащит из него что-то важное, без чего он станет неживой. Как комары. Как дерево. Как бабочка. Как вон тот голубь, что валяется под ближней стеной... И Друг больше не станет ходить через двор со своей большой белой головой и улыбаться Миле... Мила такая маленькая, глупая и некрасивая – что она может против Тьмы? Надо бежать домой, прижаться к Бабушке – и все снова станет хорошо... Но Мила решительно поворачивает к окну Друга. Вот оно какое, оказывается, громадное! Теперь понятно, как Друг туда помещается. И забраться легче легкого. Только Мила хочет подпрыгнуть, чтобы уцепиться за подоконник, как рядом что-то грохочет, и она в ужасе прижимается к стене. Это опять Ублюдок. Ах, вот откуда он взялся! В стене, оказывается, тоже есть дверь! Но напрасно Мила так пугается – Ублюдок даже не смотрит в ее сторону. Обдав ее химическим смрадом, он наискось мчится через двор и пропадает. Отлично, путь открыт! Прыжок – зацепиться – подтянуться... Еще легче, чем казалось, – и вот Мила уже на подоконнике, осторожно заглядывает внутрь. С первого взгляда ей ясно: это кухня. Почти такая же, как у Бабушки. Этот большой белый ящик – холодильник. А вот и кран с водой. Мила осторожно ступает на стол – и чуть не падает с него: Тьма прямо здесь, рядом! Ее не видно, но она – живая! Она тоже сейчас смотрит на Милу и решает: схватить ее или нет? На миг девочку парализует от ужаса, но сейчас же она вспоминает: Тьма пришла не за ней. Пока не за ней... Злое темное облако висит над большой серой коробкой, что стоит на полу и называется «плита». На плите, как и на такой же Бабушкиной, горит маленький синий огонь, а на нем тихо булькают в глубокой сковороде грибы. Это и проверять не нужно – невкусный запах, хорошо знакомый Миле, заполняет всю кухню... Тьма торжествует. Она как-то связана с этим запахом, чувствует Мила. Надо ее убить. Как убила бабочку. И могла бы убить голубя. Правда, Тьма гораздо больше – ну и пусть... Мила больше не думает – она с размаху бросается на сковороду, та с грохотом летит на пол, Мила – на нее. Она поскальзывается в склизких кипящих грибах, падает боком в эту зловонную дымящуюся кашу – и тут оскорбленная Тьма нападает сверху.

Бежать некуда – дверь закрыта! Мила катается по полу, воеет и визжит от нестерпимой боли, о которой даже не знала, что такая бывает – красная, невероятная! – случайно опирается о перевернутую сковороду – и этого уже нельзя вынести... Она слабо хрипит последний раз, успевает услышать голос Друга – «Мила, ты?! Господи!!!» – и Тьма накрывает ее разом...

У Бабушки в комнате светло от длинной рогатой люстры, висящей над круглым столом. У Милы еще саднит все тело, больно пошевелиться – но эту боль уже вполне можно терпеть. Бока, грудь, плечи, ладони – все туго обмотано какими-то узкими белыми тряпочками, из-под которых струится странный дурманящий запах, и все время хочется содрать их и отбросить в сторону. Но охота сразу пропадает, как только Мила натывается на строгий бабушкин взгляд. Впрочем, строгий он только, когда хочется сорвать тряпки, а так – Бабушка только и делает, что улыбается, хвалит Милу и говорит ей ласковые слова:

– Милая! Умница ты моя! Героиня!

– Красавица наша синеглазая! – подхватывает Друг. – Сколько в тебе грации! Хм... Просто нужно суметь увидеть ...

Он сидит за столом, и Бабушка наливает ему в чашку отвратительный кофе. Ну и пусть. Мила все равно любит их обоих. Она вытягивает шею, осторожно кладет голову на стол, прислушивается и всматривается, иногда щурясь от удовольствия просто видеть их и слышать их голоса.

– Ну, продолжай, продолжай, – теревит Бабушку Друг. – Все-таки дал, значит, показания... И что – вот прямо так и признался? Сам?

– А куда бы он делся, – поводит плечом Бабушка, садится рядом с Другом и берет себе другую чашку. – Сутки без дозы. Тут и... этот... допрос с пристрастием... не нужен.

– И как ты только догадалась отправить на анализ те грибы с полу! Я бы просто выбросил их – и дело с концом, – восхищенно смотрит на нее Друг.

– Ага... И эти сволочи отравили бы тебя в другой раз... – мрачнеет Бабушка. – Видишь ли, я знаю, что Мила моя – не хулиганка. Она не могла просто так взять и нашкодить – не тот характер. Пусть

она не говорит – но мне иногда кажется, что разбирается в этой жизни лучше, чем я... И раз она ни за что не хотела, чтобы ты ел те грибы... Ты же сам говорил – она вопила от боли и каталась в них – но не убежала, когда ты открыл дверь! Значит, она знала, что там – опасность, и хотела показать тебе это. А может, видела, как твой Юрка сунул что-то плохое в сковороду... Не допросишь же ее в полиции... А жаль, право... Ну, а потом, когда я позвонила Катьке...

– Я так и не понял, Катька – это которая? Дылда такая, от которой духами французскими разит? – спрашивает Друг.

– Да нет, Дима, – морщится Бабушка. – Которая дылда – та физик-ядерщик. Мы все тут с одного двора и школу вместе окончили... А Катя, наоборот, самая маленькая. Ну, помнишь, мы еще ее весной в Мариинке встретили?

– Это та вот... Дюймовочка в шляпке... Вся в колечках каких-то, бусиках... Пол-ков-ник по-ли-ции? – весь подается вперед Дима. – Ты чего – шутишь, да?

– Нисколечко! – выпрямляется Бабушка. – Больше четверти века оперативной работы. Только последние годы на руководящую должность перевели – тоскует... Раскрытым убийствам счет потеряла. А тут... и раскрывать нечего... Экспертиза сразу показала: яд бледной поганки. В том лесопарке, где ты шампиньоны свои собираешь, она отродясь не водилась. Значит, подложили... И шансов у тебя не было. Так что, если б не Мила... Бабушка и Дима дружно поворачивают головы в ее сторону.

– Я опять забыл, – виновато говорит Друг. – Как эта порода называется?

– «Сфинкс петерболд». Если по-русски – «Петербургский лысый сфинкс», – улыбается Бабушка и нежно смотрит на Милу; та благодарно шевелит кончиком своего длинного голого хвоста и настраивает огромные уши-локаторы так, чтобы лучше слышать любимый голос. – «На лицо ужасные, добрые внутри»... Разновидность сиамских – а ведь это еще и самые умные кошки в мире!

Друг берет руку Бабушки и подносит к своим губам. А Бабушка склоняется над его колючей белой головой и отважно ее целует.

26 марта 2016 г.

Букино

1. Герыч – героин (жарг.)

Об авторе: НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛОВА

Прозаик. Родилась в 1967 году в Ленинграде. Окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета. Шеф-редактор литературного журнала «Золотое слово», член Российского Межрегионального союза писателей..
Некаýalar